

Гасымов Эльшад Физулиевич
магистрант, Владивостокский государственный университет,
РФ, г. Владивосток

МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ ДОМАШНИЙ АРЕСТ: ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СОВРЕМЕННАЯ НОРМАТИВНАЯ МОДЕЛЬ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

Аннотация. Представленная статья посвящена мере пресечения домашний арест. Авторы анализируют исторический контекст и современную нормативную модель, чтобы проследить процесс становления домашнего ареста в российском законодательстве. Кроме того, авторы рассматривают данную меру пресечения как уголовно-процессуальный режим, требующий индивидуальной оценки и обладающий самостоятельностью, и отдельно отмечают, что действительная строгость наложения домашнего ареста может зависеть от содержания запретов, а не от их наименования. Результаты исследования показывают, что домашний арест должен быть применен как настраиваемая судом мера пресечения, а не как альтернатива заключения под стражу.

Abstract. The presented article is devoted to the measure of restraint known as house arrest. The authors analyze the historical context and the current regulatory model in order to trace the process of the establishment of house arrest in Russian legislation. In addition, the authors consider this measure of restraint as a criminal procedural regime that requires individual assessment and possesses its own autonomy, and they specifically note that the actual severity of imposing house arrest may depend on the content of the prohibitions, rather than on their name. The results of the study show that house arrest should be applied as a measure of restraint tailored by the court, rather than as an alternative to detention.

Ключевые слова: домашний арест, мера пресечения, уголовный процесс, УПК РФ, заключение под стражу, судебный контроль.

Keywords: house arrest, preventive measure, criminal procedure, Criminal Procedure Code of the Russian Federation, detention, judicial control.

Введение

Домашний арест считается менее строгой мерой пресечения, чем заключение под стражу, поскольку человек имеет возможность находиться в привычной ему обстановке, хоть и с некоторыми ограничениями. Из-за этого на первый взгляд может показаться, что домашний арест – относительно мягкая мера. Однако на практике эту меру пресечения нельзя назвать таковой. В зависимости от содержания, с точки зрения отдельного человека домашний арест может восприниматься так же тяжело, как и заключение под стражу, а в отдельных случаях даже тяжелее.

Как и заключение под стражу, домашний арест оказывает значительное влияние на жизнь подозреваемого или обвиняемого. Несмотря на то, что он не предполагает заключение человека в СИЗО, он практически полностью изолирует человека от общества и ограничивает свободу передвижения, общение, доступ к цифровой среде и привычный уклад жизни. Человек под домашним арестом не имеет права покидать помещение, в котором проживает, и общаться с кем-либо, кроме близких родственников, адвоката и должностных лиц, а нарушение предписанных запретов могут привести к смене меры с домашнего ареста на заключение под стражу.

Кроме того, после введения в УПК РФ запрета определенных действий суду стало сложнее выбирать меру пресечения, поскольку появилась необходимость объяснить не только, почему нельзя оставить человека без ограничений, но и почему не подходят адресные запреты, залог или иные более мягкие меры. Иначе домашний арест становится промежуточной формой: это не заключение под стражу, но и не по-настоящему индивидуальная мера.

Несмотря на сложность выбора меры пресечения, для уголовного процесса домашний арест достаточно удобен. Он позволяет изолировать подозреваемого и контролировать его поведение без помещения его в СИЗО. Однако именно это и составляет одну из главных сложностей данной меры пресечения. Более высокий уровень гибкости меры приводит к более высоким рискам неопределенности. Одни судебные акты устанавливают минимальные ограничения, в то время как другие создают режим, практически сопоставимый с заключением под стражу. Таким образом, сложность определения меры пресечения заключается не только в том, что нужно сделать выбор в пользу одной из мер, но и в том, что нужно определить её содержание.

Историко-правовое развитие домашнего ареста

Генезис домашнего ареста в российском праве неравномерен. Развитие данной меры пресечения обусловлено сменой государственных форм, эволюцией карательной политики и постепенным усложнением процессуальных конструкций. Анализ нормативных источников от раннесредневековых памятников права до советских кодексов позволяет выделить несколько самостоятельных этапов регламентации мер процессуального принуждения и проследить логику появления тех или иных правовых приёмов в каждом из них. Можно выделить следующие этапы:

1. Раннегосударственный период (XI–XV вв.)

Одним из первых документов, регламентирующих судебный процесс, была Русская Правда. Она ещё не содержала разветвленной системы процессуальных мер пресечения, но вводила некоторые меры, которые можно назвать прообразом мер пресечения в современном понимании. Вполне логично было бы предположить, что одной из первых мер пресечения было введение ограничения свободы или помещение под стражу.

Однако на тот момент государственный аппарат ещё не обладал достаточным административным ресурсом для осуществления контроля за лицом и не имел развитой структуры для индивидуального надзора. По этой причине одним из первых инструментов, который обеспечивал явку в суд, стала «порука» или, другими словами, поручительство. Оно означало личную и имущественную ответственность членов общины или рода за конкретного человека. Принуждение в данном случае носило горизонтальный общинный характер.

Позднее, в XIV–XV вв., появились новые документы, регламентирующие судебный процесс, Псковская и Новгородская судные грамоты. Они внесли значительные усложнения в судебную систему. Так, в Псковской судной грамоте прослеживается переход к более формализованным процедурам [9]. Если поручителей найти не удавалось, лицо могли отдать «приставу на поруку». Это означало не изоляцию в жилище, а подчинение личному надзору представителя власти.

Можно сказать, что именно с этого момента прослеживается зарождение будущей конструкции контролируемого ограничения свободы. Оно обосновывалось тем, что торговые республики были ориентированы на использование процессуальных документов, которые обеспечивали возможность для лица, участвующего в судопроизводстве, продолжать вести торговую деятельность.

2. Период централизации государства (XV–XVII вв.)

В период централизации государства появились новые документы, регламентирующие судебную систему, например Судебник Ивана III 1497 г. и Судебник Ивана IV 1550 г. Оба документа внесли принципиальные изменения в судебную систему того времени. Государство взяло на себя функцию принуждения, которая прежде была рассредоточена по общинным структурам. Кроме того, в этих памятниках детально

регламентируются полномочия приставов, порядок взятия «на поруку» и ответственность за уклонение.

Вышедшие в 1606–1607 гг. Судебник Федора Иоанновича и Сводный судебник, которые действовали в период нарастания политической нестабильности, в целом сохраняли эту модель. Однако в них появилась тенденция к нарастанию сословной дифференциации в применении принудительных мер.

Закономерной вершиной данного этапа стало Соборное уложение 1649 года [10]. Глава X «О суде» содержит детальную регламентацию процедуры взятия «на поруки». При невозможности их предоставления применялась «отдача на приставы». Последняя мера уже предполагала серьезное ограничение свободы передвижения, причем местом содержания могло быть как подворье самого обвиняемого, так и двор пристава. Примечательно, что для привилегированных сословий склонность к назначению более мягких форм надзора прослеживается уже здесь.

Позднее, в 1669 г., также вышли новоуказные статьи о татевных, разбойных и убийственных делах. Они не только уточнили порядок применения принуждения, но и ещё сильнее закрепили сословное неравенство в уголовном процессе. Причина укрепления сословного неравенства в судебном законодательстве заключалась в потребности государства в дифференцированном контроле. Полная изоляция требовала больших средств и сложной административной работы, а надзор с содержанием подозреваемого/обвиняемого по месту жительства или под присмотром пристава позволял вести судопроизводство с меньшими затратами.

3. Имперский этап (XVIII – начало XX вв.)

Имперский этап – этап, когда мера пресечения домашний арест была официально оформлена в российском законодательстве. Первыми документами этого этапа стали Воинские артикулы 1715 г. и Краткое

изображение процессов или судебных тяжёб того же года, изданные Петром I. Они привнесли в российский уголовный процесс элементы европейской инквизиционной модели с характерной для неё иерархичностью и опорой на формальные доказательства. Кроме того, эти документы ввели в российское право понятие «арест», подразумевавшее под собой военную стражу или тюремное заключение. О домашнем аресте как о самостоятельной мере пресечения в законодательстве Петра I ещё не было речи, однако изданные им документы заложили фундамент, без которого появление домашнего ареста как контролируемой меры было бы невозможным.

Впервые домашний арест был упомянут в Томе XV Свода законов Российской империи, изданном в 1832 г. Этот документ систематизировал нормы уголовного судопроизводства, которые в последствии действовали вплоть до реформы 1864 г. Свод стал первым документом, который закрепил в российском законодательстве перечень форм ограничения свободы и мер пресечения, включавший в себя поручительство, полицейский надзор, домашний арест и содержание в тюрьме или при полиции. Кроме того, Свод закрепил, что при избрании меры должны учитываться следующие факторы: причастность лица к совершению преступления; степень тяжести преступления; звание обвиняемого или подозреваемого; основания полагать, что он может скрыться или совершить побег [11]. Тем не менее применение мер оставалось сословно обусловленным и довольно произвольным со стороны администрации. Между мерами пресечения и наказанием на том момент ещё не сформировалось чёткой границы.

Несмотря на то что Том XV Свода законов Российской империи закрепил домашний арест, настоящим его «рождением» как самостоятельной процессуальной меры в привычном нам виде, мы бы назвали издание в 1864 г. Устава уголовного судопроизводства, поскольку

статья 416 УУС выстроила иерархию мер пресечения, поместив домашний арест между залогом и заключением под стражу. Кроме того, статья 421 раскрыла содержание домашнего ареста. Согласно ей, обвиняемый давал подписку о «неотлучке с места жительства», надзор при этом поручался местной полиции. Статья 422 УУС закрепила гибкий механизм, благодаря которому арестованный мог получить разрешение отлучаться с принятием на себя денежной ответственности в случае уклонения от следствия [13].

Таким образом, официальное закрепление домашнего как самостоятельной, обособленной меры пресечения произошло в рамках либеральной судебной реформы 1864 г. К тому времени состязательный процесс с независимым судом и адвокатурой потребовал соразмерных и дифференцированных мер принуждения, которые не разрушали бы правовой статус обвиняемого, что и привело к оформлению меры в законодательстве.

4. Советский этап (1917–1991 гг.)

После падения имперской правовой системы цели уголовного процесса были радикально переосмыслены. Так, декрет о суде № 1 1917 г. упразднил прежние судебные постановления и отменил использование старых законов, сославшись на «революционное правосознание». Декрет о суде № 2 1918 г. попытался наметить контуры новой процессуальной системы. Декрет о суде № 3 того же года расширил компетенцию революционных судов. Ни в одном из этих документов не было детальной регламентации мер пресечения, поскольку репрессивная практика первых послереволюционных лет не нуждалась в «мягких» альтернативах заключению.

Тем не менее раннесоветское право демонстрировало определенный прагматизм. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г. [5] и сменивший его Кодекс 1923 г. [4] сохранили домашний арест (ст. 145 и ст. 159 соответственно). Эта мера подразумевала запрет покидать выбранное

помещение. Фактически это был вынужденный компромисс, т.к. советское государство на тот момент ещё не имело достаточных административных и идеологических ресурсов, чтобы полностью разорвать связи с дореволюционными процессуальными подходами.

Важный поворот произошёл в 1958 г., когда Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик зафиксировали новое направление развития правовой системы. В них домашний арест уже не фигурировал как отдельная мера, поэтому из УПК РСФСР 1960 г. его исключили [3]. Причины были системными. Советская правовая идеология делала упор на коллективную ответственность и партийный контроль. На этом фоне любые промежуточные, индивидуализированные меры принуждения воспринимались как излишнее усложнение. В итоге система мер пресечения свелась к бинарному выбору: либо меры без изоляции (в первую очередь подписка о невыезде), либо заключение под стражу.

5. Российский этап (1991 – н.в.)

После распада Советского Союза и отхода от коммунистической идеологии возвращение домашнего ареста в ст. 107 УПК РФ 2001 г. [1] было вполне предсказуемым. Эта мера должна была закрыть процессуальную брешь между подпиской о невыезде и заключением под стражу.

Первая версия ст. 107 УПК РФ была очень краткой. Она не содержала ни списка конкретных запретов и ограничений, ни механизмов контроля, в связи с чем мера почти не применялась на практике. Дальнейшие законодательные изменения, в первую очередь поправки 2011 г., которые ввели электронный мониторинг, постепенно сделали домашний арест работающей мерой, а не просто декларацией.

Таким образом, домашний арест в российском праве прошёл значительный путь становления. Его формирование началось с общинного поручительства в Древней Руси и поручительства пристава в период централизации государства, затем постепенно начала формироваться

правовая база, которая в XIX в. позволила официально закрепить в законодательстве домашний арест как самостоятельную меру пресечения. В советский период домашний арест был упразднён, но в 2001 г. его вернули как дифференцированную, индивидуализированную меру. Теперь он отвечает принципам соразмерности и судебного контроля.

Нормативная модель: от перечня мер к алгоритму судебного выбора

В ст. 98 УПК РФ домашний арест расположен между залогом и заключением под стражу. Занимаемое в перечне место важно, поскольку оно отражает строгость меры по сравнению с другими, но само по себе оно не отвечает на главный практический вопрос: какой именно режим будет установлен в отношении конкретного лица. Нормативную модель домашнего ареста стоит рассматривать не статично, а через алгоритм принятия судебного решения.

Первый этап этого алгоритма – установить, есть ли основания, указанные в ст. 97 УПК РФ. Закон относит к таким основаниям данные, позволяющие полагать, что подозреваемый или обвиняемый может скрыться от дознания, предварительного следствия или суда; продолжить заниматься преступной деятельностью; угрожать свидетелю или иным участникам судопроизводства; уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу [1].

Второй этап – проверка судом, соблюдены ли условия, перечисленные в ст. 99 УПК РФ. Эта норма требует учитывать тяжесть подозрения или обвинения, а также сведения о личности: возраст, состояние здоровья, семейное положение и род занятий [1]. Эти обстоятельства не являются формальным дополнением к основаниям из ст. 97 УПК РФ, а служат обязательным инструментом индивидуализации.

Третий этап – проверка того, что применение более мягкой меры будет недостаточным. Ст. 107 УПК РФ связывает домашний арест с

невозможностью применить иную, более мягкую меру пресечения [1]. Необходимо объяснить, почему подписка о невыезде, личное поручительство, залог или запрет определенных действий не способны устранить установленный риск.

Четвертый этап – определение режима. Домашний арест предполагает, что лицо находится в жилом помещении, где проживает на законном основании, с возложением запретов и контролем [1]. В отдельных случаях местом может быть лечебное учреждение. Из этой структуры видно, что домашний арест состоит не из одного элемента, а из нескольких взаимосвязанных параметров: места пребывания, перечня запретов, срока, допустимых исключений и способа контроля.

Пятый этап – контроль за исполнением. При этом контроль ни в коем случае не должен подменять собой судебное решение. Органы, которые непосредственно исполняют меру, обязаны следить за соблюдением всех установленных ограничений, но расширять их по собственному усмотрению они не вправе [1]. Соответственно, чем точнее сформулированы запреты, тем меньше риск, что при исполнении домашнего ареста их начнут трактовать произвольно.

Таким образом, мы видим, что избрание меры пресечения зависит от множества факторов и требований. Избрание домашнего ареста и определение его содержания – сложный процесс, требующий детального юридического обоснования.

Содержание запретов и пределы допустимой изоляции

Запреты при домашнем аресте играют не вспомогательную, а определяющую роль. Именно то, какие запреты установил суд, определяет, в какой степени мера ограничивает личную свободу. Как отмечают исследователи, «ограничения и запреты, связанные с общением с определенными лицами, могут исходить из того, что лицо может угрожать другим лицам, которые принимают участие в уголовном судопроизводстве

по делу, а также в попытках установить контакт с соучастниками, передать им сведения, которые не подлежат разглашению, так как это может помешать процессу расследования и разрешения по существу уголовного дела» [8, с. 166]. Суд вправе ограничить выход из дома, общение и переписку с определёнными лицами, использование средств связи и интернета, за исключением ситуаций, когда необходимо вызвать аварийно-спасательные службы или связаться с надзорным органом. Однако, на наш взгляд, юридическая обоснованность ограничения зависит не от его строгости, а от его содержания и связи с конкретным процессуальным риском.

Универсальный запрет на все коммуникации может нейтрализовать сразу несколько рисков, например, оказание давления на свидетелей или потерпевших и сокрытие доказательств. Однако такой подход, скорее, свидетельствует о процессуальной инерции, чем о реальном анализе конкретного дела.

Если говорить о сроке ограничений и самого домашнего ареста, важно отметить, что он играет не формальную, а гарантийную роль. Пленум Верховного Суда РФ подчеркивает, что в решении нужно указывать срок домашнего ареста, дату его окончания, место исполнения и точный перечень запретов [6]. Такие разъяснения служат гарантией правовой определенности.

Обычно домашний арест избирают на срок до двух месяцев. Продлить его можно только по решению суда и при наличии законных оснований. Таким образом, мы видим, что содержание запретов и срок домашнего ареста играет важную роль для судебной системы, поскольку позволяет устранить ряд рисков и гарантировать правовую определённость.

Соотношение с заключением под стражу, залогом и запретом определенных действий

При выборе меры пресечения суд опирается на тяжесть совершенного преступления, наличие оснований полагать, что обвиняемый или подозреваемый могут скрыться, продолжить преступную деятельность, оказать влияние на других участников уголовного процесса и ряд других факторов. Более строгие меры суд выбирает тогда, когда применение более мягкой меры невозможно.

После того как в УПК РФ появилась такая мера, как запрет определенных действий, суд обязан рассматривать несколько разных вариантов процессуального воздействия. Они отличаются по степени изоляции, по тому, как обеспечивается поведение обвиняемого, и по глубине вторжения в его частную жизнь. В таком контексте сравнение домашнего ареста с другими мерами пресечения вполне закономерно.

Заключение под стражу подразумевает помещение человека в следственный изолятор. Домашний арест также изолирует, но в совершенно другой среде – в жилом помещении самого обвиняемого. Однако разница между двумя мерами не сводится только к тому, где именно находится человек. При избрании домашнего ареста суд учитывает ряд индивидуальных обстоятельств: есть ли у обвиняемого малолетние дети или иждивенцы, нуждается ли он в постоянном медицинском наблюдении, какой режим общения с внешним миром допустим. По нашему мнению, именно эта гибкость и образует ключевое отличие домашнего ареста от заключения под стражу.

Залог устроен принципиально иначе, чем изоляционные меры. В его основе лежит имущественная гарантия, а не ограничение физической свободы. Запрет определенных действий также имеет значительные отличия от домашнего ареста и заключения под стражу. Он ограничивает

не всё поведение лица, а лишь конкретные действия, которые связаны с предотвращением определённого процессуального риска.

Отсюда, на наш взгляд, вытекает главный вывод. Выбор между домашним арестом и запретом определенных действий должен опираться прежде всего на критерий изоляции. Если для нейтрализации риска достаточно ограничить отдельные контакты, запретить посещение каких-либо мест или установить лимиты на использование связи, то домашний арест требует отдельного обоснования. Необходимо доказать, что менее интенсивная мера не сработает. Ситуацию осложняет то, что российская судебная практика до сих пор не выработала последовательного критерия для такого разграничения, и нередко суд выбирает домашний арест в ситуациях, где, вероятно, был бы соразмерен запрет определенных действий.

Федеральный закон от 18.04.2018 № 72–ФЗ [2] ввёл запрет определенных действий как самостоятельную меру пресечения. Это значительно усложнило задачу суда по обоснованию выбора домашнего ареста в качестве избираемой меры пресечения. Законодатель расширил судебный инструментарий, но вместе с тем лишил суд возможности обосновывать домашний арест отсылкой к его промежуточному положению между подпиской о невыезде и заключением под стражу. Если раньше такая логика формально считалась приемлемой, то после 2018 г. она перестала быть убедительной.

Кроме того, как отмечают в литературе, сочетание запрета определенных действий с залогом или домашним арестом может размыть границы между самостоятельными мерами пресечения [7, с. 129–138]. С практической стороны это приводит к следующему требованию к мотивировке: избирая домашний арест, суд должен объяснить, почему в данной ситуации необходим именно режим изоляции, т. е. непрерывное нахождение обвиняемого в определенном месте, а не просто набор

поведенческих ограничений. Их, вероятно, может обеспечить запрет определенных действий. На практике интерпретация усложняется тем, что суды часто смешивают эти основания и ссылаются лишь на тяжесть обвинения. Это, скорее всего, указывает на дефицит мотивировочной культуры, а не на осознанное разграничение мер.

Таким образом, получается, что теперь суд обязан не декларативно, а по существу показывать, почему адресные запреты без изоляции не обеспечивают целей уголовного судопроизводства в конкретном деле. Однако здесь возникает методологическая сложность. Критерии необходимости изоляции в УПК РФ прямо не прописаны, что оставляет судьям большой простор для их усмотрения.

Заключение

Как видно из истории становления российского уголовного процесса к идее ограничения свободы без помещения лица в тюрьму ни раз обращались в разные периоды развития российского права. Она, как правило, появлялась, когда требовалось обеспечить контроль за поведением обвиняемого, но изоляция была слишком жесткой или не единственной возможной реакцией государства. Постепенное развитие этой идеи и закрепления её в законодательстве привело к появлению домашнего ареста в привычной нам современной форме.

В современном регулировании у домашнего ареста двойственная природа. С нормативной точки зрения, он мягче, чем заключение под стражу. Однако, фактически, его воздействие зависит от набора запретов, срока, контроля и того, насколько человек сохраняет связи с внешним миром. В итоге, эта мера, действительно, может быть более мягкой альтернативой заключения под стражу, а может превратиться в почти полную изоляцию дома.

Главная проблема заключается в том, что закон лишь задает рамку, а окончательный режим определяет суд, из-за чего возникает такая уязвимость: слабая мотивировка судебного постановления способна превратить гибкую меру в неопределенное ограничение свободы.

Анализ историко-правовой литературы позволяет нам говорить о том, что домашний арест исторически был гибким и индивидуализированным институтом, что прослеживается на разных этапах развития права. На наш взгляд, современной практике важно сохранять и развивать данные свойства, чтобы избежать вышеуказанной уязвимости. Кроме того, совершенствованию института поможет развитие судебной мотивации, уточнение границ запретов и аккуратное применение технических средств.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Российская газета, № 249, 22.12.2001.
2. Федеральный закон от 18.04.2018 № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» // Российская газета, № 85, 20.04.2018.
3. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (утратил силу) // «Свод законов РСФСР», т. 8, с. 613.
4. Постановление ВЦИК от 15.02.1923 «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») (утратил силу) // «СУ РСФСР», 1923, № 7, ст. 106.
5. Постановление ВЦИК от 25.05.1922 «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») (утратил силу) // «СУ РСФСР», 1922, № 20–21, ст. 230.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41: ред. от 27.05.2025 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий».
7. Ларкина Е. В. Запрет определенных действий и предусмотренные им запреты в сочетании с залогом и домашним арестом: первые полгода применения // Lex russica. – 2019. – № 4 (149). – С. 129–138.
8. Павлик М. Ю., Токарева Е. В., Шепелева О. Р. Сущность ограничений и запретов, налагаемых на обвиняемого, при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста // Ленинградский юридический журнал. – 2020. – №. 1 (59). – С. 166.
9. Псковская судная грамота / Новый перевод и комментарий Л.В. Черепнина и А.И. Яковлева. – 1940. – С. 237–297.
10. Соборное уложение 1649 года : Текст, коммент. / Коммент. Г.В. Абрамовича и др.; Руководитель авт. коллектива А.Г. Маньков. – Ленинград: Наука: Ленингр. отд-ние, 1987. – 448 с.
11. Свод Законов Российской Империи. Классика российского права. Режим доступа: <https://civil.consultant.ru/code/> (дата обращения 17.07.2026).
12. Судебник 1497 года. Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина. Режим доступа: <http://museumreforms.ru/node/13625> (дата обращения 17.07.2026).
13. Устав уголовного судопроизводства. Режим доступа: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/?ysclid=mr6ef4679f719843319> (дата обращения 01.07.2026).